

Фенелон Франсуа

О воспитании девиц

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Ф82

Ф82 **Франсуа Ф.**
О воспитании девиц / Фенелон Франсуа – М.: Книга по Требованию, 2022. –
140 с.

ISBN 978-5-521-28002-5

ISBN 978-5-521-28002-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Жизнь и дѣятельность Фенелона.

Франсуа Солиньякъ де Ламоттъ де Фенелонъ родился 6 августа 1651 года въ замкѣ Фенелонъ, въ нынѣшнемъ департаментѣ Дордонъ, и принадлежалъ къ одной изъ знаменитѣйшихъ и старинныхъ фамилій южной Франціи. Еще въ ранней юности онъ обнаружилъ выдающіеся способности, полному развитію которыхъ помогло заботливое воспитаніе подѣ непосредственнымъ наблюденіемъ его отца, умнаго и образованнаго графа де Ламоттъ Фенелонъ. Этотъ богато одаренный и весьма воспріимчивый мальчекъ уже двѣнадцати лѣтъ говорилъ по-латыни, недурно понималъ по-гречески и прочелъ нѣсколько доступныхъ его возрасту древнихъ авторовъ. Предназначенный къ духовному званію, Франсуа сначала поступилъ въ ближайшій университетъ въ Кагоръ, откуда перешелъ въ Парижъ, въ коллегію Дюплесси, гдѣ слушалъ богословскія науки. По совѣту своего дяди, маркиза Антуана де Фенелонъ, въ домѣ котораго онъ жилъ, 18-лѣтній юноша удалился отъ свѣтскаго шума въ духовную семинарію, въ Сентъ-Сульписъ, гдѣ въ теченіе пяти лѣтъ готовился къ духовной дѣятельности. Здѣсь онъ мечталъ о миссіяхъ въ далекія страны, о духовномъ воспитаніи дикарей Сѣверной Америки и Канады; его влекло въ Грецію, эту метрополию европейской цивилизации; онъ хотѣлъ видѣть Дельфы, Парнасъ, Темпейскую долину, хотѣлъ проповѣдывать въ Афинахъ, гдѣ протекала дѣятельность Сократа и апостола Павла, которымъ онъ стремился подражать. Тѣмъчасъ по окончаніи курса онъ былъ посвященъ въ санъ священника и парижскимъ архіепископомъ Харлафомъ

былъ поставленъ во главѣ одного общества образованныхъ дамъ высшаго круга, которое имѣло своею задачею обученіе, вновь обращенныхъ въ католичество протестантскихъ дѣвушекъ. На этомъ поприщѣ Фенелонъ работалъ въ теченіе десяти лѣтъ и заявилъ себя здѣсь мудрымъ воспитателемъ, отечески нѣжнымъ и любящимъ совѣтникомъ и руководителемъ. Плодомъ этой его дѣятельности было его знаменитое, много разъ переизданное и переведенное почти на всѣ европейскіе языки, сочиненіе «О воспитаніи дѣвицъ», вышедшее впервые въ 1687 году¹⁾.

Дѣятельность даровитаго молодого священника скоро была замѣчена въ высшихъ сферахъ, и когда Людовикъ XIV задумалъ обращеніе протестантовъ своего государства, то Боссюэтъ и герцоги Бовилье и Шеврёзъ единогласно указали ему на Фенелона, какъ на человѣка, по своему уму, такту и блестящему образованію вполне подходящему для этой трудной и щекотливой миссіи. Фенелонъ былъ назначенъ въ Пуату и Сентанжъ и вмѣстѣ со своими друзьями, аббатами Ланжерономъ и Флѣри, дѣятельно занялся духовнымъ увѣщаніемъ протестантовъ названныхъ провинцій. Эта тяжелая и отвѣтственная дѣятельность омрачалась крутыми и жестокими правительственными мѣропріятіями, и Фенелонъ часто обращался къ королю, прося у него пощады и терпѣливаго отношенія къ обращаемымъ протестантамъ. Къ этому періоду его дѣятельности относится его *Traité du ministère des Pasteurs*, вышедшій въ 1688 году, изъ котораго усматривается гуманный, проникнутый любовью и терпимостью, характеръ его миссіи.

16 августа 1689 года произошло событіе, которое рѣшило всю послѣдующую жизнь Фенелона: къ радости всей Франціи онъ былъ назначенъ воспитателемъ трехъ сыновей дофина, маленькихъ герцоговъ Бургундскаго, Анжуйскаго и Беррійскаго, изъ которыхъ старшему, будущему наслѣднику престола, герцогу Бургундскому, тогда было около семи лѣтъ.

¹⁾ Объ этомъ произведеніи см. въ концѣ настоящаго очерка.

Это назначеніе состоялось по рекомендаціи и настоятельнымъ просьбамъ гувернера принцевъ, герцога Бовилъе, который былъ извѣстенъ за человѣка благочестиваго и твердаго въ своихъ нравственныхъ принципахъ; при этомъ подозрѣніе о принадлежности Фенелона къ яansenизму было устранено Боссуэтомъ. Со всей свойственной ему энергіей, умомъ, добросовѣстностью и терпѣніемъ взялся Фенелонъ за свой знаменитый педагогическій опытъ, ознаменовавшійся столь блестящими результатами. Онъ самъ говорилъ, что чувствовалъ робость и воодушевленіе при мысли, что отъ характера того, къ чьему воспитанію онъ призванъ, со временемъ будетъ зависѣть счастье или несчастье миллионовъ.

Маленькій герцогъ Бургундскій былъ ребенокъ красивой наружности, богато одаренный отъ природы, весьма воспріимчивый, но болѣзненный, изнѣженный и испорченный воспитаніемъ: онъ былъ вспыльчивъ, непослушенъ и надмененъ. Сень-Симонъ въ своихъ мемуарахъ такъ описываетъ характеръ этого ребенка: «Этотъ принцъ отъ рожденія былъ ужасенъ, и его ранняя молодость заставляла бояться всего: его жестокость и вспыльчивость доходили до невѣроятныхъ предѣловъ и распространялись даже на неодушевленные предметы; его бѣшенство было неудержимо; онъ не могъ выносить ни малѣйшаго сопротивленія даже со стороны стихій или временъ и испытывалъ такіе припадки гнѣва, что становилось страшно за его здоровье; онъ былъ чрезвычайно упрямъ и жадно предавался всѣмъ наслажденіямъ: онъ любилъ вино и хорошій столъ, былъ страстнымъ охотникомъ, съ восхищеніемъ слушалъ музыку и со страстью относился къ играмъ, при чемъ не выносилъ проигрыша и былъ чрезвычайно опасенъ въ такихъ случаяхъ; словомъ, — всѣ страсти и всѣ наслажденія носили у него необузданный характеръ; часто онъ становился совершенно дикимъ и по своей природѣ былъ склоненъ къ жестокости; его насмѣшки отличались грубостью и были безпощадны. Съ высоты своего величія онъ смотрѣлъ на всѣхъ людей безъ исключенія, какъ на ничтожные атомы, съ которыми у него не было ничего общаго. Даже своихъ братьевъ

онъ едва удостоивалъ замѣчать, какъ нѣчто посредствующее между нимъ и остальными людьми. Онъ блисталъ умомъ и остроуміемъ даже въ моменты наивысшаго страстнаго раздраженія. Какъ бы ни былъ онъ разсерженъ, онъ никогда не ошибался, и отвлеченныя знанія были для него пустякомъ. Живость и подвижность его ума были изумительны, и онъ съ трудомъ могъ сосредоточиться на одномъ предметѣ... И вотъ изъ этой темной пропасти вышелъ кроткій и ласковый принцъ, гуманный, умѣренный, терпѣливый, скромный, богобоязненный и, насколько позволяло его положеніе, а иногда даже и больше этого, смиренный и суровый по отношенію къ себѣ. Весь поглощенный мыслью о своихъ обязанностяхъ, которыя казались ему громадными, онъ думалъ только о томъ, чтобы соединить обязанности сына и подданнаго съ тою ролью, которая была ему предназначена»¹⁾).

Тонкое педагогическое чутье подсказало Фенелону, что онъ долженъ сначала овладѣть сердцемъ своего воспитанника, а потомъ ужъ взяться за его развитіе, — и онъ терпѣливо началъ обуздывать и исправлять этотъ непокорный нравъ. Основныя черты той педагогической системы, которой держался Фенелонъ при воспитаніи герцога Бургундскаго, мы находимъ въ его трактатѣ «О воспитаніи дѣвицъ». Эта система, основанная съ одной стороны на картезіанской философій, съ ея культомъ разума, а съ другой стороны на кроткомъ началѣ христіанской любви, состояла въ гармоническомъ сочетаніи твердости и энергіи съ кротостью и терпѣніемъ. Въ своихъ философскихъ и психологическихъ принципахъ воспитатель черпалъ убѣжденіе въ томъ, что радость и довѣрчивость должны господствовать среди настроеній дѣтской души, которая безъ нихъ омрачается и териетъ мужество, проникаясь или раздраженіемъ или робостью. Страхъ похожъ на сильно дѣйствующее средство, которое иногда можетъ помочь, но нарушаетъ нормальный ходъ организма, и душа ребенка, которую воспитываютъ помощію страха, лишается черезъ это своей силы.

¹⁾ Saint-Simon, Mémoires.

Девизомъ воспитателя было: «Не принуждайте дѣтей, слѣдуйте природѣ и помогайте ей».

Понимая, что часто бываетъ достаточно одного мѣткого слова, чтобы показать ребенку на другихъ то, чего отъ него желаютъ, Фенелонъ не давалъ своимъ наставленіямъ тона отвлеченныхъ правилъ, а облакалъ ихъ въ конкретную форму басни, мифологическаго разсказа, аллегоріи, исторіи и т. п., Необыкновенная живость изложенія, картинное изображеніе лицъ и фактовъ, тонкій юморъ, изящный стиль, полный той прелести, которая, кажется, была свойственна лишь одному Фенелону, — вотъ отличительныя черты этихъ литературныхъ этюдовъ, которымъ недоставало лишь рпеи, чтобы стать рядомъ съ баснями знаменитаго Лафонтена. Разница лишь та, что Фенелонъ самъ не давалъ въ нихъ нравоученій и представлялъ ребенку самому наблюдать въ нихъ свои дурныя поступки и страсти со всѣми ихъ послѣдствіями, самому дѣлать свой выводъ и самому произносить свой приговоръ.. Въ баснѣ «Пчела и Муха» послѣдняя такъ защищается противъ королевы воздуха: «Твой гнѣвъ, который уязвляетъ твоихъ враговъ, даетъ смерть тебѣ самой, и твоя безразсудная жестокость приносятъ тебѣ больше вреда, чѣмъ другимъ. Лучше меньше блестящихъ преимуществъ, да побольше умѣренности» и т. д. Въ извѣстныхъ «Dialogues des morts»¹⁾ Фенелонъ даетъ прекрасный образецъ такого педагогическаго приема въ разговорѣ Меркурія съ Харономъ, въ которомъ принцъ Пикрохольсъ (горько-желчный) такъ охарактеризованъ: «Онъ вспыльчивъ, но не золъ; онъ любознателенъ, понятливъ, исполненъ стремленія ко всему прекрасному, любитъ правдивыхъ людей и бываетъ благодаренъ имъ за то, что они направляютъ его на путь истины. Когда онъ сумѣетъ поборотъ свою торопливость и свою лѣнь, изъ него выйдетъ прекрасный человѣкъ». Харонъ, которому Меркурій даетъ это описаніе, никакъ не можетъ понять, какъ уживаются въ одномъ характерѣ эта лѣнь и эта подвижность. Тогда

¹⁾ Вышли въ первый разъ въ 1712 г.

Меркурій объясняетъ ему, что Пикрохолюсь быстръ въ гнѣвѣ и лѣнивъ въ исполненіи своихъ обязанностей и т. д.

Такая система исправленія, основанная на тонкомъ знаніи человѣческой природы и души ребенка, и полное согласіе воспитателей, связанныхъ одинаковымъ пониманіемъ своихъ задачъ и одинаковыми философскими и педагогическими взглядами, гарантировали полный успѣхъ. «Герцогъ Бургундскій пусть остается за дверью, а я пусть буду только вашимъ маленькимъ Людовикомъ», говорилъ мальчикъ своему воспитателю. Вспыльчивости гордаго ребенка противопоставлялось безстрастное спокойствіе, пока не утихало его возбужденіе, и пока онъ снова не впадалъ въ свое горькое одиночество. Тогда опять приближался воспитатель съ лаской и любовью и высказывалъ сожалѣніе по поводу того, что раздраженіе такъ быстро заглушило въ немъ голосъ «разума и чести». Послѣ этого воспитанникъ самъ часто приговаривалъ себя къ наказанію, которое воспитатель уже только смягчалъ.

Что касается до воспитанія религіознаго, то на него было обращено особое вниманіе. По смерти своего воспитанника Фенелонъ самъ говорилъ, что именно религія сдѣлала изъ упрямаго и надменнаго ребенка юношу скромнаго, мягкосердечнаго, отзывчиваго, способнаго сознаться въ своихъ заблужденіяхъ. По мѣрѣ того какъ герцогъ становился старше, кругозоръ «*Dialogues des morts*» становится обширнѣе, и на ряду съ воспитательнымъ значеніемъ они получаютъ уже и значеніе образовательное. Обращается вниманіе уже на исторію, затрогиваются вопросы политическіе, религіозные и т. п.

Хотя, согласно основному взгляду воспитателя, молодого герцога не особенно принуждали къ книгѣ, однако научному образованію посвящались весьма большія заботы. Постепенно шагъ за шагомъ, въ непринужденной бесѣдѣ во время игры, обѣда, прогулки и пр. юнаго герцога вводили въ область знанія. Древніе языки изучались практически: «латинскій языкъ» принцы изучаютъ на практикѣ безъ грамматическихъ правилъ, исключая самыхъ необходимыхъ первоначальныхъ указаній, такъ какъ изъ ихъ ученія стараются изгнать все

трудное и утомительное, чтобы сделать его приятнымъ. Имъ внушаютъ отвращеніе къ педантизму»¹⁾.

Изъ древнихъ классиковъ были прочитаны и разобраны римскіе: Цезарь, Цицеронъ, Ливій, Тацитъ и Виргилій, изъ греческихъ: Ксенофонтъ, Гомеръ, Гесіодъ и Софокль. Особенное вниманіе было обращено на изученіе политической и церковной исторіи родной страны, на ея географію, на земледѣліе и народное хозяйство. Все образованіе было завершено изученіемъ философіи и религіи въ ихъ постепенномъ развитіи. Такимъ образомъ всѣ отдѣльныя знанія были приведены къ единству, были осмыслены и упрочены въ сознаніи ученика разсужденіями подъ руководствомъ воспитателя.

Подъ вліяніемъ этого разумно-религіознаго воспитанія, изъ того своенравнаго и надменнаго принца, котораго нарисовалъ намъ Сенъ-Симонъ, вышелъ образованный и гуманный человѣкъ, нѣсколько робкій и застѣнчивый, побуждавшій всѣхъ своей честностью и величіемъ своей души. Послѣ его преждевременной смерти въ 1712 году тотъ же Сенъ-Симонъ такъ оплакивалъ эту потерю: «Францію постигло послѣднее наказаніе. Богъ отнялъ у нея принца, котораго она не стоила. Онъ былъ слишкомъ добродѣтеленъ для земли; онъ былъ уже достоинъ вѣчнаго блаженства».

Въ 1695 году Фенелонъ былъ назначенъ архіепископомъ въ Камбре и не могъ уже оказывать непосредственнаго вліянія на своего воспитанника. Но великій мужъ считалъ своею миссіей, возложенной на него свыше, образовать изъ принца короля, который составилъ бы счастье родной страны, разстроенной правленіемъ Людовика XIV. Это обстоятельство послужило поводомъ къ сочиненію «Телемака», знаменитаго сочиненія, посредствомъ котораго Фенелонъ надѣялся продолжить образованіе наслѣдника престола и свое надъ нимъ вліяніе.

Одинъ изъ біографовъ Фенелона съ достаточной вѣроят-

¹⁾ Fénelon, *Memoire sur l'éducation des ducs de Bourgogne, d'Anjou et de Berri*. *Correspondance* II, p. 358.

ностью полагаетъ, что сочиненіе знаменитыхъ «*Les aventures de Télémaque*» относится къ 1695—1696 году. Содержаніе ихъ слѣдующее. Сынъ Одиссея Телемакъ отправляется странствовать по свѣту съ цѣлью отыскать своего отца, еще не вернувшагося изъ-подъ Трои. Телемака сопровождаетъ Минерва, принявшая на себя образъ его воспитателя Ментора. Во время своихъ скитаній путешественники встрѣчаютъ различныя страны съ ихъ государями, съ ихъ учрежденіями, нравами, законами и обычаями, что собственно и составляетъ предметъ наблюденій будущаго царя Итаки, сопровождаемыхъ объясненіями и наставленіями мудрой Минервы. Нѣсколько долѣ живутъ они у Идоменей, который былъ нѣкогда царемъ Крита, но за свои насилия, страсть къ завоеваніямъ, властолюбіе и гордость былъ изгнанъ своими подданными и основалъ въ Гесперіи маленькій городокъ Салентъ, гдѣ и царствовалъ. Несчастія смирили гордаго владыку, и онъ внимательно слушаетъ наставленій Ментора-Минервы, въ которыхъ собственно и заключается сущность книги. Авторъ имѣетъ цѣлью показать въ нихъ будущему наслѣднику французскаго престола всю трудность и отвѣтственность предстоящей ему задачи. Признавая за наилучшую форму правленія неограниченную монархію, но монархію просвѣщенную, презиращую вышній блескъ, войны, празднества и т. п. и стремящуюся ко благу народному и водворенію патріархальной простоты, Менторъ представляетъ своему воспитаннику государство во всѣхъ проявленіяхъ его многообразной жизни. Въ живыхъ образахъ даны здѣсь наставленія относительно всевозможныхъ отраслей жизни и управленія: государство и церковь, законодательство и обычай, война и политика, наука и искусства, земледѣліе, торговля и промышленность, общественное воспитаніе и образованіе и пр., — все нашло себѣ объясненіе въ этой книгѣ. По временамъ наставленія проникнуты рѣзкимъ и бичующимъ тономъ и рисуютъ то тяжкое и жалкое, гнетущее состояніе, въ которое впадаетъ страна, имѣющая недостойнаго правителя, изображаютъ черты личности правителя достойнаго, желающаго блага странѣ своей и т. д.

Предназначая эту книгу своему воспитаннику, Фенелонъ былъ слишкомъ далекъ отъ мысли издать ее въ свѣтъ; его удерживало то обстоятельство, что, являясь результатомъ внимательнаго наблюденія и изученія современнаго положенія вещей и извѣстныхъ политическихъ личностей, книга заставляла читателя видѣть въ Салентѣ Версаль съ Людовикомъ — Идоменеемъ или Сезострисомъ во главѣ, и современникъ склоненъ былъ видѣть въ ней ѣдкій памфлетъ на короля и его фаворитокъ. Но одинъ изъ переписчиковъ, которому Фенелонъ довѣрилъ рукопись, продалъ нѣсколько копій съ нея, и она была напечатана книгопродавцемъ Андріаномъ Монтжаномъ въ Гагѣ, въ іюнѣ 1699 года. Это «зеркало государей» было встрѣчено съ энтузіазмомъ какъ во Франціи, такъ и за границей. Оно выдержало массу изданій и безчисленное множество переводовъ на всѣ болѣе извѣстныя языки. За чистоту и изящество стиля сочиненіе это впослѣдствіи стало школьной книжкой при обученіи французскому языку какъ вездѣ въ Европѣ, такъ и въ русскихъ школахъ.

Выходъ въ свѣтъ «*Les aventures de Télémaque*» страшно раздражилъ короля, и авторъ ихъ подвергся опалѣ. Ему было приказано безвыѣздно жить въ Камбре, былъ запрещенъ пріѣздъ ко двору, былъ отнятъ титулъ «*précepteur des enfants de France*» и присвоенная этому званію пенсія¹⁾.

Полная разлука и строжайшее запрещеніе видѣться не могли уничтожить взаимной привязанности, соединявшей великаго педагога и его воспитанника. Въ письмахъ, адресованныхъ къ своимъ друзьямъ и предназначавшихся для молодого герцога, Фенелонъ продолжаетъ великую задачу воспитать для Франціи хорошаго правителя и даетъ ему совѣты, относящіеся къ будущей его дѣятельности. Эта переписка даетъ

1) Оставляя въ сторонѣ многочисленные мелкія сочиненія Фенелона, мы упоминаемъ лишь о его «*Explication des maximes des Saints sur la vie intérieure*» содержащемъ въ себѣ близкое къ яansenистскому ученію о благодати, за которое Фенелонъ былъ временно отлученъ отъ церкви папою Иннокентіемъ III.

намъ возможность видѣть Фенелона, какъ дѣятеля политическаго. Дѣятельность его въ этомъ направленіи была столь замѣтна и значительна, что дала право нѣкоторымъ критикамъ признавать за нимъ наибольшія заслуги именно въ этой области, а не въ области педагогики. Въ его политическихъ письмахъ, прекращающихся лишь съ его смертью, передъ нами выступаетъ великая личность Фенелона, какъ патріота, всѣми силами своего сердца и ума, во всеоружіи полного знанія внутренней и внѣшней жизни страны, стремящагося къ ея благу. Особеннаго вниманія заслуживаютъ письма, которыя Фенелонъ писалъ во время войны за испанское наслѣдство. Ни одинъ историкъ, желающій имѣть вѣрное представленіе о безотрадномъ положеніи тогдашней Франціи, не имѣетъ права обходить ихъ молчаніемъ. Мы приведемъ здѣсь небольшіе отрывки изъ двухъ писемъ Фенелона, относящихся къ 1710 г. и содержащихъ въ себѣ какъ бы пророчество о томъ переломѣ конца XVIII вѣка, который прекратилъ французскую монархію: «Если бы я взялъ на себя смѣлость судить о состояніи Франціи по тѣмъ отдѣльнымъ правительственнымъ дѣйствіямъ, которыя мнѣ случается наблюдать на этой границѣ, я долженъ былъ бы прійти къ заключенію, что французское государство продолжаетъ существовать какимъ-то чудомъ, что оно представляетъ собою ветхую машину, которая еще движется отъ сотрясенія, полученнаго ею прежде, но которая готова рассыпаться отъ перваго удара. Солдатамъ часто не хватаетъ припасовъ. Даже хлѣба у нихъ часто не бываетъ по нѣскольку дней. Хлѣбъ имъ даютъ почти всегда изъ овсяной муки, дурно выпеченный и съ примѣсью всякаго сора. Эти дурно питаемые солдаты сражаются, повидимому, также довольно дурно. Среди нихъ раздается ропотъ и слышатся иногда такіа рѣчи, которыя должны бы были внушать опасенія... Жители настолько же страшатся арміи, которая обязана ихъ защищать, какъ и тѣхъ непріятельскихъ войскъ, которыя на нихъ нападаютъ; армія съ трудомъ можетъ совершать небольшіе переходы, такъ какъ хлѣба у нея обыкновенно бываетъ только на одинъ день... Населеніе не жи-